

Заяц-Михайловский: мне памятник воздвигли

25 декабря 2000 г. у пушкинского села Михайловское по инициативе А. Г. Битова и Р. Л. Габриадзе [8] установили памятный знак зайцу, который, согласно легенде, спас А. С. Пушкина в декабре 1825 г., перебежав дорогу ссылке-ному поэту и тем самым отвратив его от поездки в Санкт-Петербург, к друзьям-заговорщикам, прямо к восстанию декабристов.

Памятник представляет собой колонну (аллюзия на «Александровский столп»), стилизованную под верстовой столб. На гранях — металлические пластины, где выгравировано: «Здесь 11 (23) декабря 1829 года заяц перебежал А. С. Пушкину дорогу и тем остановил его на пути на Сенатскую площадь», «До Сенатской площади осталось 416 верст». В навершии — фигурка присевшего зайца, а бегущий — представлен в виде силуэта на нижней надписи.

Открытие памятника, сопровождаемое вниманием федеральных СМИ, стало внешней, направленной на массового потребителя частью литературно-исторического проекта «К 175-летию перебежания зайцем дороги Пушкину, а также (sic! — Р. Ш.) восстания декабристов» с конференцией «Несостоявшееся путешествие Пушкина. 1825. История, литературный фольклор, мифология» [3–6; 7; 10]. Памятник и связанные с ним медиасобытия стали выполнять роль сверхавторитета в вопросе существовании легендарного события, его датировки, места действия и пр.

Но кому установлен памятник на самом деле?

Памятник — словно с лицевой обложки книги А. Г. Битова и Р. Л. Габриадзе «Вычитание зайца» (1993) [1], где, по словам Ирины Сурач, «главный герой... изображен на обложке легким пером Резо Габриадзе: прижав уши, он стремительно пересекает дорогу второму герою, в плаще и цилиндре, и вместе они образуют некий исторический вихрь... обрамленный классической колоннадой» [15, с. 237; 16, с. 225]. Вместе оба протагониста и на задней обложке, где «изображен Пушкин: встав на скамеечку и, вытянувшись на цыпочках (ростом не вышел), он обрывает яблоки в... саду. Тут и заяц рядом... в стремительной тени у пушкинских ног. ...Битов реализовал две свои заветные мечты: осуществил фотографию Пушкина и зайцу памятник воздвиг нерукотворный» [15, с. 239; 16, с. 230]. '*Заяц-Михайловский*' (назовем так одного безымянного спасителя) и '*Пушкин*' (из текста Битова-Габриадзе, но есть '*Пушкин*' Хармса, в анекдотах и др.) стали одним целым уже в переиздании 2001 г. [2]. В нем «на суперобложке — подходящий к случаю коллаж: на портрете работы Кипренского лицо А. С. П. заменено гордой ангорской усатой и ушастью физиономией его спасителя» [9]. Тут невольно вспоминаются слова о смерти Пушкина «Корчил Байрона, а пропал как заяц», сказанные «Видоком Фиглярным» — Фаддеем Булгариным.

Памятник — и часть (петербургского) текста Битова-Габриадзе, и образец визуализации и канонизации мифа о зайце-спасителе Пушкина. Друг поэта Сергей Соболевский вспоминал:

Вот еще рассказ... незабвенного моего друга, не раз слышанный мною при посторонних лицах... Около 10 декабря... Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с Тригорскими соседками. <...> ...На пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути... — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой. <...> Наконец повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь! в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим баринком. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину; он... остается у себя в деревне. «А вот каковы бы были последствия моей поездки, прибавлял Пушкин. Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я забыл бы о Вейсгаупте, попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!» [13, с. 1386, 1387].

Подчеркнем, что, как следует из документов, ссыльный замыслил побег в столицу в образе и действии дворового из села Тригорского Алексея Хохлова, едущего со товарищем в Санкт-Петербург [7]. А в легенде, запущенной самим А. С., — барин, зайцы и поп, напророченная «белая голова» Вейсгаупт («Weisskopf, Weisshaupt, — одно и то же» [13, с. 1386]).

Роковая встреча отразилась Пушкиным в текстах, написанных вскоре после декабря 1825 г.

4 января 1826 г., спустя несколько дней после восстания декабристов, в родовом селце Михайловском ссыльным Пушкиным начата V глава «Евгения Онегина». В ней встречаем Татьяну, которая, «когда случалось где-нибудь / Ей встретить черного монаха / Иль быстрый заяц меж полей / Перебегал дорогу ей, / Не зная, что начать со страха, / Предчувствий горестных полна, / Ждала несчастья уж она» (V, VI). Из черновики видим, что время и факт самого события не менялся («Когда случалось как-нибудь» — «Случалось ли когда-нибудь»), но вот черного монаха не видим в изначальном плане. До появления строчки «Ей встретить [черного монаха]» опробовались варианты с иной плохой приметой: а) «Ей оступиться на»; б) «Ей оступиться у порога», в) «Ей оступиться у порогу» — что меняло у другой строчки, вслед за рифмой (монаха — страха < порогу / порога — богу), смысловое наполнение — убран начисто апотропей (молитва, крестное знамение): а) «[Не зная что начать <со> страха]»; б) «Молясь тихонько»; в) «Она молилась богу»; г) «Она крестилась»; д) «Она предвидела беду». Смысловое наполнение варианта д. из строчки «Предчувствий горестных полна» и молитва в варианте а. перенесены на две строчки ниже: «Ждала беды с<ебе она>» а) «Молилась»; б) «Она предвидела»; в) «Беду предвидела она»; г) «Ждала несчастья <она>» [12, с. 382]. Вероятно, идея с монахом возникла по ассоциации с глаголом *молиться*, а прилагательное *черный* невольно

противоположилось *белому снегу, зайцу*. У Пушкина *встречи с зайцем* связаны, как многократно подчеркивалось, с семантикой плохой приметы, тогда как (*черный монах* и *спотыкание на пороге* единственны в своем роде. Описание зайца (*быстрый*) в черновых вариантах изменчиво, но место пребывания (*меж полей*) — нет: «Иль быстрый заяц меж полей» < а) «Иль заяц — средь полей»; б) «Иль резвый заяц средь полей»; в) «Иль заяц между двух полей» [12, с. 382].

Из черновых текстов следует, что роковая встреча Татьяны с зайцем была заложена в замысле изначально; постепенно убиралась защита (молитва, знамение) и прибавлялась череда дурных событий.

В. М. Сретенский обнаружил множественные пересечения пьесы А. А. Шаховского «Не люблю — не слушай, а лгать не мешай» с «Графом Нулиным» и «Евгением Онегиным», а также с событием, ставшим легендарным: Пушкин не мог не припомнить фразу Шаховского «Под Петербургом, от заставы / Не больше ста шагов, / Мне заяц три раза перебежал дорогу» [14, с. 80]. Еще Холт Мейер [11] показал, что для первого поколения читателей «Евгения Онегина» роман Пушкина прочно связывался с канвой пьесы Шаховского «Не люблю — не слушай...» (1818).

Подведем итоги и построим рабочую гипотезу.

Вскоре после восстания декабристов и своего случайного спасения Пушкин «выпускает в эфир» легенду о зайце-спасителе, пишет шутовского «неприличного» «Графа Нулина» и начинает V главу «Евгения Онегина». В ней Пушкин отражает (через эпизод с Татьяной) свою встречу с зайцем зимой средь полей. Оба пушкинских текста связаны через пьесу Шаховского «Не люблю — не слушай...», которая могла вновь, после I главы, стать актуальной для Пушкина благодаря фразе «Под Петербургом... мне заяц три раза перебежал дорогу». Если наше предположение верно, то пьеса в последующем задавала сюжетное построение именин Татьяны, которые в интертекстуальном отношении являются подобием I главы романа.

Литература

1. Битов А. Г. Вычитание зайца / худ. Р. Габридзе. М., 1993.
2. Битов А. Г. Вычитание зайца, 1825 : Сборник : О А. С. Пушкине / коммент. И. Сурат ; худ. Р. Габридзе. М., 2001.
3. Битов А. Г. Точка или тачка? Непроизнесенная речь 4 февраля 2012 года в СПб. // Независимая газета. 2012. 2 апр. С. 18–19.
4. Варкан Е. Из заячьей жизни // Независимая газета. 2000. 23 дек. [Электронный ресурс]. URL: ng.ru/culture/2000-12-23/7_from_rabbit_life.html?print=Y (дата обращения: 25.04.2015).
5. В Михайловском открыт памятник зайцу-спасителю Пушкина // ИА NEWSru.com. 2000. 24 дек. [Электронный ресурс]. URL: newsru.com/russia/24dec2000/zaets_print.html (дата обращения: 25.04.2015).
6. В Михайловском открыт памятник зайцу, спасшему жизнь Пушкина // Лента.ру. 2000. 25 дек. [Электронный ресурс]. URL: lenta.ru/culture/2000/12/24/pushkin (дата обращения: 25.04.2015).
7. Гура А. О символике зайца у славян // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 236–243.

8. Десятерик Д., Шеремет А. Мраморное сало : Интервью с Екатериной Варкан // День. 2002. 17 мая [Электронный ресурс]. URL: day.kiev.ua/ru/print/241324 (дата обращения: 25.04.2015).
9. Дьякова Е. Ангорский Пушкин // Независимая газета. 2001. 23 июля [Электронный ресурс]. URL: novayagazeta.ru/nomer/2001/51n/n51n-s25.shtml (дата обращения: 25.04.2015).
10. Иванова И. Памятник зайцу-спасителю // Труд. 2000. 28 дек. [Электронный ресурс]. URL: trud.ru/article/28-12-2000/17259_pamjatnik_zajtsu-spasitelju/print (дата обращения: 25.04.2015).
11. Мейер Х. «Онегиных есть много» : Имя-цитата в качестве «закладки» и перформативного повторения // Пушкин : Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; пер. с нем. Г. Е. Потаповой. СПб., 2004. Т. 16/17. С. 259–284 [Электронный ресурс]. URL: feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isd/isd-259-.htm (дата обращения: 25.04.2015).
12. Пушкин А. С. Евгений Онегин : Другие редакции и варианты // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937–1959. Т. 6 : Евгений Онегин. 1937. С. 207–655 [Электронный ресурс]. URL: feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol06/y062207-.htm (дата обращения: 25.04.2015).
13. Соболевский С. А. Таинственные приметы в жизни Пушкина // Русский архив. 1870. М., 1871. С. 1377–1387.
14. Сретенский В. М. Псевдолотман: историко-бытовой комментарий к поэме А. С. Пушкина «Граф Нулин». М., 2010.
15. Сурат И. З. Памятник Зайцу // Новый мир. 1994. № 10. С. 237–239.
16. Сурат И. З. Памятник Зайцу: О книге А. Битова и Р. Габриадзе «Вычитание зайца» // Сурат И. З. Пушкин : Биография и лирика : Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. М., 1999. С. 225–230 [Электронный ресурс]. URL: feb-web.ru/feb/pushkin/critics/sur/sur-225-.htm (дата обращения: 25.04.2015).

Л. Р. Клягина, Н. В. Пращерук

Екатеринбург

«Классический текст» рассказа И. А. Бунина «Архивное дело»

Рассказ И. А. Бунина «Архивное дело» (1914), несомненно, можно отнести к числу «трудных» для интерпретации произведений, что связано с особой содержательной «плотностью», неочевидностью смыслов, сложным интонационным полем данного текста. Эта трудность еще более проблематизируется кажущейся простотой фабульного действия. Речь идет о полукوميческой жизни и смерти старика-архивариуса с фамилией, усиливающей иронический повествовательный тон, — Фисун. При этом текст «Архивного дела» можно рассматривать и как разворачивающееся перед исследователем поле узнаваемых обстоятельств,